

неподвижен, или, если угодно, Кто движется неподвижно Сам в Себе, начал, так сказать, движение по направлению к падшему естеству, чтобы воссоздать его. Бог стал человеком, чтобы спасти погибшего человека.

Заделывая трещины, восстанавливая сочленения, разорванные грехом, Он восстановил единство двух природ — тела и духа — в Личности Христа. Ибо Иисус Христос стал человеком во всем, кроме греха, чтобы освободить нас от греха. Своим неплотским рождением Он показал нам, что возможен иной способ умножения человеческого рода и что различие полов не было бы необходимым, если бы человек сам не пал до уровня животных, злоупотребив своей свободой.

Подобное соединение человеческого и божественного естества и является искуплением человека. Оно дает нам средство вновь достичь нашей цели и указывает к ней путь. Бог Сам говорит нам, что Он есть покой. Он зовет к Себе всех страждущих под бременем плоти. Это значит, что конец наших метаний — в соединении с неподвижностью Бога. В самом деле, Бог дал бытие вещам, благое бытие; мы движимы Им, движимы к Нему, чтобы стать лучше. Но, как мы сказали, движение духа заключается в познании. Двигаться к Богу — значит трудиться над познанием Его; лучше всего познать Его можно, приближаясь к Нему и соединяясь с Ним. Но как познать благо, не возжелав его? Позная Бога, человек начинает любить Его. Вырванный из самого себя (*ekstasis*) притяжением предмета любви, человек как бы впадает в экстаз; он устремляется к Тому, Кого возлюбил, все более и более пылко и не остановится, пока не сольется целиком со своим Возлюбленным, как бы окруженный Им со всех сторон. Разве воля человека не пожелает с великой радостью быть заключенной внутрь Его, быть окруженной Тем, Кто Сам ее любит! В сущности, человек не может желать ничего другого, кроме этого спасающего погружения, кроме познания самого себя в Боге, Который обнимает его и Которого обнимает он. Человек становится подобен железу, расплавленному целиком охватившим его пламенем, или воздуху, пронизанному сияющим светом. Блаженный экстаз, когда человеческое естество причастно богоподобию до такой степени, что уже

Глава I. Греческие отцы и философы

68

нет ничего, кроме этого подобия, когда, не переставая быть самим собой, оно как бы входит в Бога. И тогда уже не человек живет, но живет в нем Христос.

Двигаясь таким образом к Богу посредством познания, человек лишь поднимается — в направлении, обратном своему падению, — к предвечной идее о Нем, которая как причина его бытия никогда не переставала пребывать в Боге. Кроме того, и для всех существ, отпавших от Бога в результате грехопадения человека, соединение с божественной сущностью является их спасением, на которое им следует уповать. Каждый человек — воистину часть Бога (*moiira theou*) в том смысле, что его сущность предвечно пребывала в Нем. Каждый человек отпадает от Бога, отделившись от божественной причины, от которой он зависим. Экстаз — это предвосхищение будущей вечности, когда произойдет обожение (*theosis*)* всех вещей посредством их возвращения к предвечной сущности, от которой они зависимы и от которой в настоящее время отделены, и когда каждая часть Бога обретет свое место в Боге. Что более достойно любви, нежели это обожение, когда, соединившись с теми, кого Он сделал богами, Бог Сам делается всем в них? Укрепляемый этой надеждой, Максим уже предвидит день, когда Вселенная вернется в конце времен к своей первопричине. Ибо человек есть среда и узел всех сотворенных существ, и подобно тому как вследствие его падения вся прочая тварь